

Слово актера

Зимой 89-го в 1-й студии Дома звукозаписи на улице Качалова записывали радиоспектакль «Мусоргский». Режиссер Юрий Богатыренко собрал прекрасный актерский ансамбль: в роли Модеста Мусоргского — В. Абдулов, Юлию Ивановну Мусоргскую играла А. Покровская, роль А. Голенищева-Кутузова исполнял Г. Бортников. Ведущим был Иннокентий Смоктуновский.

Спектакль, в основу которого легла книга Р. Добровенского «Рыцарь бедный», был задуман как своего рода радиороман, транслировать его планировали в течение пяти вечеров. Огромное число действующих лиц, — задача, что и говорить, не из простых.

Роль Смоктуновского оказалась наиболее сложной — сквозная, на протяжении всех пяти частей спектакля, без партнеров. Смоктуновский — ведущий как бы над схваткой, он комментирует события, эпистолярные свидетельства, полемизирует с некоторыми документами, ведь ему, автору, известно многое, чего не знали Мусоргский и его современники.

Я впервые увидел, как работает артист.

В огромной студии он один. Да еще лес микрофонов за спиной. Поставив текст на пюпитр, Смоктуновский снимал свитер, обособивался удобно, по-домашнему.

— Вы готовы, Иннокентий Михайлович? — спрашивает звуко-режиссер из аппаратной.

— Давайте, Ирочка, попробуем.

— Страница семнадцатая, четвертый вариант. Мотор, начали!

*Экран и сцена — 1994. — 8-15 сент.
(№ 30-31). — С. 16.*

Пока мы не выходили, не стало Иннокентия Смоктуновского.

«Не стало» — беспощадные и страшные слова, прерывающие земной удел, это невозвратность потери для родных и близких, для друзей, для всех тех, кто хоть раз оказывался рядом и ощущал на себе магнетизм личности Актера и Человека.

«Не стало» — категория несуществующая для истинного художника. Роковая черта, где дух расстается с плотью, меняет координаты времени и пространства. Прошлое превращается в будущее.

Иннокентий Михайлович Смоктуновский — актер будущего. Не оттого лишь, что в когорте славных имен, продолжающих искусство лицедейства, ему принадлежит собственное и исключительное место. Но потому, что его искусство несет в себе природную изначальность, выше которой еще никто ничего не изобрел, ибо это выше человеческих сил.

Иннокентию Смоктуновскому достало человеческих сил прожить трудную, а иногда и горькую судьбу, переломить ее на свой лад, не захлебнуться в овациях, сопровождавших его непрерывный взлет. Вела природа.

Он ушел, оставив нам не на прощанье, а навсегда всего себя. Так уходят только очень добрые и хорошие люди.

Фрагмент записывается четвертый раз. Мне кажется, что Смоктуновский работает безукоризненно. И вдруг:

— Пожалуйста, сотрите этот дубль!

Смоктуновский явно недоволен собой. Не слушая успокоительных заверений режиссера, он восклицает:

— Я все-таки совсем не умею читать.

Боже, думаю, что он говорит, может, кокетство? Ничего подобного. Наблюдая в течение нескольких дней Смоктуновского у микрофона, убедился: к своей работе в радиотеатре артист относится с величайшей требовательностью. То, что для некоторых актеров было возможностью подработать денег, для Смоктуновского — просто другое амплуа.

Очередная «порция» записана, Смоктуновский собирается уходить.

— Иннокентий Михайлович, чем привлек вас радиоспектакль о Мусоргском? Ведь вы очень заняты — театр, киносъемки...

— Личность Мусоргского мне дорога, близка и симпатична. Может быть, потому, что в его трагической судьбе я нахожу созвучия со своей собственной. Мне ведь тоже долгое время ужасно не везло; не было, наверное, театра, которому я не предлагал бы свои услуги, а меня отвергали, иногда и не слишком церемонясь. Потом настали времена, когда те же самые режиссеры приглашали, уговаривали, сулили золотые горы. А почему не брали тогда, когда был моложе, лучше?

Вызывает восхищение стойкость, с которой Мусоргский встречал испытания, удары судьбы, непонимание друзей. Он пришел, кажется, через все муки ада, был такой неустрашенный — и при этом неизменная верность своему дарованию. Масштабы его творчества поразительны, дарование — исключительно. За рубежом я не раз слышал: почему у вас так мало исполняют Мусоргского, так мало пишут о нем? Может быть, наш спектакль восполнит этот пробел.

— В своей музыке, — продолжал Смоктуновский, — особенно

в оперных произведениях, Мусоргский заглянул в прошлое, в историю нашего отечества, и одновременно — шагнул в будущее. Способность слышать свою эпоху, опережать ее как Мусоргский, на мой взгляд, обладали лишь два наших современника — С. Прокофьев и Д. Шостакович. Помню, во время съемок фильма «Гамлет» меня поразила мощь проникновения музыки Шостаковича в драматургию. Ощущение было такое, что эти звуки явились одновременно с трагедией Шекспира. Нечто подобное испытываешь, слушая «Бориса Годунова» или «Хованщину».

Он говорил о музыке увлеченно, даже с жаром, обнаруживая не просто любовь к ней, а основательные познания. Впрочем, могли иначе рассуждать артист, сыгравший Моцарта — и Сальери. Петра Ильича Чайковского. Слова же Смоктуновского о масштабе дарования Мусоргского, мне показалось, вполне применимы к самому Иннокентию Михайловичу.

Юрий КРОХИН.

Фото автора.

